

ЦИКЛ БЕСЕД О ВЕРЕ¹

Вместо введения

Когда мы говорим о вере, мы всегда думаем о вере в Бога. А на самом деле существует также вера в человека, и эта вера в человека определяет нашу жизнь по меньшей мере так же часто и постоянно и глубоко, как вера в Бога. Кроме того, в Бога веруют не все, а для того, чтобы жить с людьми, без веры в человека не обойтись. Именно на вере в человека основаны все попытки преобразования — общественного, политического, семейного. Потому что, что бы ни проповедовалось — будь то религия, или новый жизненный строй, — если человек не вступит в труд, если человек не будет осуществлять того, что задумано, никогда оно никаким образом не осуществится.

Поэтому всякий преобразователь, всякий человек, призывающий людей к чему-то новому, основывает свой призыв на вере в человека; а в малых вещах, в повседневной жизни, все основано на этой вере: на том, что в человеке есть что-то доброе, хорошее, что может отозваться на нужду, на горе, на радость, что может послужить основанием к тому, как строить жизнь. И вот об этой вере мне хотелось бы сказать нечто.

Вера — это не легкоеверие, это не наивное отношение к человеку, которое допускало бы, что все возможно, что стоит только обратиться к человеку — и он отзовется. Но вместе с тем это уверенность, что нет такого человека, в котором нет подлинной человеческой глубины, нет такого человека, в котором нельзя вызвать доброе и достойное. К этому мы приходим во всех областях жизни; сейчас во всех странах света идет громадное преобразование, например, тюремной системы. Раньше человека заключали в тюрьму, чтобы его удалить от общества людей; он был отрезанный ломоть. Теперь все больше думают о тюрьме как о месте, где человеку можно помочь стать человеком. И вот такое отношение и есть вера в человека. Эта вера не основана на очевидности, часто приходится сквозь очевидность заглянуть куда-то вглубь, и обнаружить что-то, чего **как будто и нет**. В Евангелии есть два рассказа, которые очень ясно показывают отношение Христа к человеку, Его веру в человека.

Первый рассказ мы находим в Евангелии от Иоанна, в 8-й главе. Это рассказ о том, как к Спасителю привлекли женщину, взятую в прелюбодеянии. Очевидность была против нее, она была взята в преступлении, она подлежала осуждению и строгому наказанию. Христос ее не осудил. Он осудил ее поступок; Он не принял ее как прелюбодеицу, но вглубь заглянул. Заглянув вглубь ее души, Он в ней увидел возможность новой жизни; Он прозрел в этой прелюбодеице чистоту, которая в ней не умерла. Когда эта женщина стала перед судом, когда она обнаружила, что ее грех значит смерть, она, конечно, опомнилась. В тот момент, все, что ей говорили — что грех убивает,

---

¹ 25 марта 1972 г. См.: *Митр. Антоний Сурожский*. Воспитание души. М.: АСТ, 2016. Библиотека Ю. Гиппенрейтер. С. 31-43; или *Митр. Антоний Сурожский*. Человек перед Богом. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2013. С. 29-39.

что грех разрушает — стало реальностью; вот, она согрешила и ее теперь побьют камнями, по закону того времени. Она поняла, что, если бы ей была дана жизнь, она больше никогда не прикоснулась бы к тому, что за собой влечет смерть. И это Христос прозрел. Он обратился к окружавшим ее евреям и сказал: Пусть тот, который без греха, бросит первый камень!.. И **все** ушли. И когда Христос остался один с этой женщиной, Он ей сказал: Где те, которые тебя осуждали?.. Они ушли — ответила она... И Я тебя не осуждаю; иди, но впредь не греши...

На этом примере мы видим, как Христос сумел заглянуть в человека, и увидеть все его возможности, которые были как бы закрыты поступками этого человека.

Другой рассказ такой же поразительный: встреча Христа с апостолом Петром после того, как апостол трижды от Него отрекся, по страху, испугавшись. Христос его не спрашивает: Сожалеешь ли ты о том, что ты сделал? Он ему говорит: Любишь ли ты Меня?... И Петр от души отвечает: **Да**, Господи! Я Тебя люблю!.. Но трижды ему ставит Христос этот вопрос. И вдруг, осознав значение этих трех восклицаний, понимая, что вся очевидность против него, Петр говорит: Ты все знаешь, Господи! **Ты знаешь**, что я Тебя люблю!.. И Христос его принимает вновь в среду Своих учеников.

Разве мы умеем так поступать? Разве мы умеем поверить, что человек, который поступил по отношению к нам плохо, имеет право сказать: Да, я тебя люблю! У меня не хватило мужества, у меня не хватило глубины, во мне не хватило силы духа, но я тебя все-таки люблю, — и **все** возможно...

Если бы мы так умели друг ко другу относиться, если бы мы только умели друг во друга поверить, не быть ослепленными ни поступками людей, ни их действиями; не быть оглушенными их словами, а молчаливо заглянуть в человеческую душу и прозреть в ней возможную человечность, возможное человеческое величие, и соответственно предложить человеку новую жизнь: наше доверие, и призвать жить в полную меру своего человеческого достоинства. Если бы мы так могли друг ко другу относиться, все было бы возможно среди людей, все преобразования, и новая жизнь настала бы для человечества.

I.

После последней беседы мне был поставлен вопрос: Что если человек говорит: "А мне твое доверие ко мне и вера в меня не под силу?" И мне хочется ответить на этот вопрос, потому что он очень важный.

Обыкновенно мы страдаем от того, что в нас не верят. Мы чувствуем, что в нас есть какие-то возможности, но для того, чтобы их осуществить, нам нужна была бы поддержка верующего сердца, человеческой любви, человека, которая говорит: Да! Не бойся! Ты можешь себя осуществить! Но иногда, когда нам дано такое доверие, когда оно нам подарено, нам вдруг делается страшно: А что если я это доверие обману? — Что если у

меня ничего не получится и окажется, что клубящиеся во мне мечты рассеялись как туманы, когда поднялось солнце? Что будет тогда? Неужели я совершенно потеряю доверие, уважение, может даже любовь тех, которые так на меня понадеялись???

И это человеку часто мешает. Но еще больше, может быть, мешает то, что очень часто, когда другой человек нам дарит свое доверие, он как будто верит в невозможное, т.е. он как будто не учитывает то, что я — просто обыкновенный, нормальный человек. Нам кажется, что он на все надеется, будто мы можем сделать все, все без ограничения, все безусловно. И тут мы понимаем, с одной стороны, что это невозможно и боимся за это взяться, а с другой стороны, когда мы стараемся это осуществить, то обнаруживается, что мы не можем оказаться на высоте того "безумного", "непродуманного", "безответственного" доверия, которое нам было дано. И вот здесь есть две стороны.

С одной стороны, тот, кто доверяет другому, кто в подарок, во вдохновение ему приносит свою веру, должен это делать вдумчиво, разумно, мудро; а с другой стороны, тот человек, которому эта вера дается, должен быть трезв, сознателен и, прилагая все усилия к тому, чтобы творчески осуществлять свое призвание, все-таки знать, что у него есть какие-то ограничения. Эти ограничения мы не всегда можем обнаружить до того, как начнем трудиться. Только когда мы приступаем к изучению какой-нибудь науки, к чтению какой-нибудь книги, к какому бы то ни было делу, мы видим, сколько мы можем осуществить и где кончаются наши возможности. Но начать мы должны, и мы не должны бояться момента, когда мы дойдем до предела своих возможностей, потому что — и это очень важно — доверие, которое нам дается, вера, которая в нас вкладывается, относится не к тому, чтобы мы осуществили все возможное человеку, а к тому, чтобы мы осуществили **себя** как можно более совершенно.

В этом смысл Христовой притчи о талантах; слово "талант" приобрело за столетия специфическое значение. Все мы знаем, что такое талант по отношению к музыке, к искусству, и литературе: но не об этом говорил Христос. В Его время талант это была денежная мера. Вот, какому-то человеку "сделали" вклад, и ему предложили осуществить эту денежную меру, добиться всего, на что он способен. Этот человек может приложить все усилия, и если он чрезвычайно одарен, он может удвоить, утроить тот дар, который ему был сделан. Если он менее одарен — он **чего-то** добьется. Но на что он никак не имеет права, это сделать то, что сделал самый неодаренный из трех лиц, о которых говорит притча. Он испугался: А вдруг то, что заложено в меня, то, что мне дано, я растрочу, потеряю и буду в ответе? — и зарыл его; т.е. просто отложил в сторону, закопал, завернул в платок, А когда пришло время суда, когда пришло время расчета, когда все предстали перед хозяином, оказалось, что все чего-то добились — только **он** не добился ничего. И он не был осужден за то, что он не принес барыш, выгоду своему хозяину; он был осужден за то, что он **испугался** и не решился **ничего** сделать, не решился **ни на что**.

Перенося эту картину на нашу обычную жизнь, мы можем рассматривать талант, о котором говорит притча, как дар в области искусства, литературы, поэзии — но это

ограниченное понимание. В основе, то, что в нас заложено, этот талант, это все, на что мы способны, все богатство, все разнообразие, вся красочность нашей собственной личности. Можем ли мы это осуществить или нет? Можем; все могут, каждый может осуществить все, на что у него хватит духа, мужества” вдохновенья”. И в **этом** центр тяжести, в **этом** весь вопрос. Мы должны так верить в человека, такое ему подарить доверие, так его вдохновить, чтобы он нашел в себе храбрость, мужество, радость, творческую радость себя осуществлять.

Пусть он не гений — но он человек; пусть он ничем **не выдается** — но пусть он будет самим собой самым полным и прекрасным образом, который ему доступен. И тогда мы не будем на него накладывать бремена неудобноносимые, мы не станем на него накладывать тяжесть, которой он **никак** понести не может, потому что мы не станем требовать с него, чтобы, он стал чем он никогда даже в мечте не мог быть, а будем ему говорить: Смотри: в тебе такое богатство! Осуществи его! Но он скажет: Где же это богатство, сколько? А ты не мерь! Ты просто творчески становись самим собой. Где не хватит ума — восполняй сердцем, где не хватит крепости — восполняй товариществом. И ты увидишь: чего ты не можешь осуществить один, то в сотрудничестве с другими, вместе с другими ты **можешь** осуществить, сделать вклад в общую сокровищницу людей.

Вот если мы так с верой будем подходить к человеку, мы сможем его вдохновить и не раздавить своей верой и человек вырастет в свою меру творчества и радости.

II.

В одном из рассказов немецкого писателя Бертольда Брехта есть приблизительно такой диалог. Спрашивают одного человека: Что вы делаете, когда вы любите кого-нибудь? Я, — отвечает он — проект составляю о нем. — Проект? А что дальше? — А затем я забочусь о том, чтобы проект и человек совпали. А скажите: кто или что должно совпасть с другим — человек с проектом или проект с человеком? — Конечно, — отвечает господин Кернер, — должен совпасть человек с проектом!

Часто люди думают, что такой подход — это вера в человека, что можно изучить ... человека, продумать его, прозреть в нем все его возможности, составить проект и затем **заставить** человека соответствовать этому проекту. Это ошибка и преступление, которое делают и отдельные люди, в семьях, и общества человеческие и идеологические группировки как верующих, так и неверующих людей. В семьях это приобретает иногда трагический аспект. Родители заранее знают в чем счастье их детей и **заставляют** их быть счастливыми так, как им кажется **надо** быть счастливым. Это относится также к мужу и жене; это относится к друзьям: Нет, я **знаю**, что для тебя полезнее, я знаю, что для тебя лучше, ты увидишь, как все это будет хорошо. И несчастная жертва этой убийственной, удушливой, кромсающей душу и жизнь любви иногда бы готова взмолиться: Да перестань ты меня хоть любить — но дай мне свободу!

В человеческих обществах это приобретает часто более трагические формы, когда или большинство, или какая-нибудь властная группа накладывает на каждого отдельного человека или на целую другую группировку какую-то свою печать, требует, чтобы все соответствовало данному проекту. Люди, которые это делают, всегда думают, что они **верят** в человека, что они увидели, каким он может стать великим, значительным, что **он** в себя не верит, что, если бы он в себя поверил по-настоящему, он бы понял и последовал их диктатам. На самом деле такой подход — отрицание всякой веры в человека. Такой подход основывается на том, что после умственного, клинического, холодного анализа человека или ситуации из всех собранных данных складывается образ или человека, или общества, или человечества в целом. И затем это несчастное общество или человечество или человека стараются вогнать в этот план. Но при этом забывается, что вера в человека именно тем характеризуется, что мы **уверены**, что **за** пределом того, что мы уже poznали о человеке, за пределом того, что нам видно, что нам постижимо, есть в человеке такие глубины, которые нам непостижимы, тот глубокий, глубинный хаос, о котором когда-то писал Ницше, немецкий философ, говоря, что кто в себе не носит хаоса, тот никогда не породит звезды.

Так вот, подход господина Кернера, о котором говорит Брехт, именно отрицает самую возможность творческого хаоса, не хаоса в смысле безнадежного беспорядка, а хаоса в смысле неоформленного еще бытия, в смысле клубящихся глубин, из которых постепенно может вырасти строй и красота, осмысленность. Настоящая вера в человека берет в расчет **именно** то, что человек остается тайной для его наблюдателя, тем более для умственного наблюдателя, потому что подлинное видение человека идет не от ума, а от сердца; только сердце по-настоящему зряче и раскрывает уму такие глубины, которые тот постичь не может. Настоящая вера в человека учитывает возможность этих глубин, потаенных возможностей в них, и ожидает, что **неожиданное**, непостижимое может случиться.

Одно случается почти всегда. Когда мы человеку даем свободу и одновременно дарим ему наше доверие, обогащаем его нашей верой, вдохновляем его этой верой, часто бывает, что в процессе становления самим собой человек отворачивается от того, кто был его вдохновителем и его поддержкой; и не только отворачивается; периодами ему необходимо от него отказаться, он должен строить свою личность, свою самостоятельность, отмежевываясь от существовавших дотоле отношений. И человек, который идет на то, чтобы вдохновить — будь то ребенка или взрослого или общество или церковность — вдохновить на творческую веру, должен быть готов к тому, что от него отвернутся. Он должен испытать свою веру в человека именно в этот момент, не усомнившись, не поколебавшись, не отвернувшись, а приняв на себя как радостное открытие то, что начинает расти самостоятельное бытие, и что этот человек, который дотоле зависел от него, хотя бы от его доверия и веры в него, теперь начинает больше от него не зависеть. И если человек, который сначала вдохновил другого, одарив его верой своей, сумеет **устоять** в вере тогда, когда он стал излишним на время, в этом процессе

становления, если он сумеет отказаться от насилия власти, убедительности или даже от мягкого, — и такого иногда жестокого! — насилия любви, то он сам станет человеком в полном смысле слова или, во всяком случае, в более полном смысле слова.

И вот получается, что для того, чтобы верить в другого человека, надо верить смело, творчески в самого себя, и что если мы не верим в самих себя, если мы не верим в эти глубины, из которых может вырасти непостижимо великое, то мы не можем также и другого одарить этой свободой, которая ему позволит стать самим собой, неожиданным и непостижимым человеком, который сделает новый вклад — не предписанный, а личный, собственный и творческий — в жизнь общества и в судьбу человечества.

III.

Я закончил прошлую беседу указанием на то, что в другого человека нельзя верить если мы не верим в себя самих. И вот ставится вопрос: что такое вера в себя? Профессионально, житейски, большей частью люди ответят: Верить в себя это быть уверенным в том, что если напрячь свою волю, собрать все силы ума, можно добиться чего угодно — ну, в пределах возможного... Такая вера в себя где-то граничит с самоуверенностью, легко в нее переходит, и, в конечном итоге, это не вера в себя, а это уверенность, что окружающее **поддается** нашему усилию; в каком-то отношении это уверенность в том, что во мне хватит силы **переломить** окружающих меня людей и изменить окружающие меня или встречные обстоятельства.

Настоящая вера в себя, это вера, т.е. уверенность в том, что во мне есть что-то, чего я не знаю, что-то мне самому непостижимое, что может раскрыться и прийти до какой-то меры полноты и совершенства. Самоуверенность основывается на знании самого себя, м.б., на каком-то преувеличении самооценки; вера же не нуждается ни в какой самооценке, потому что предмет ее это именно — тайна человека. Когда я говорю о тайне человека я хочу сказать не то, что в каждом человеке есть что-то потаённое, а то, что весь человек есть сплошная динамика, сплошная жизнь, сплошное движение и становление, и что ни в какой момент ни сам человек и никто другой не может заморозить этого человека, заморозить, остановить эту динамику, остановить для того, чтобы в нее заглянуть; динамика заморозению не поддается; человек динамичен все время и всегда.

И вот вера в человека, в самого себя, это вера в то, что во мне, в каждом человеке, есть непобедимая динамика жизни, и что единственное, что может помешать этой динамике осуществиться и вырасти в реальность, это моя трусость, моя нерешительность, но никак не окружающие меня обстоятельства. Обстоятельства, как бы они ни были хороши или плохи, как бы они ни были жестоки, как бы они ни были направлены на то, чтобы сломить человека, являются **только** поводом к тому, чтобы эта внутренняя, творческая динамика себя выразила по-новому, по-иному, неожиданно — но все равно: выразила себя и ничто другое.

И вера в себя есть уверенность в этой внутренней, таинственной, творческой и, в конечном итоге, победной динамике. Вера в себя, поэтому, заключает в себе уверенность, что в каждом человеке — и во мне, в частности, — есть область, которая для меня самого неуловима; и что, будучи изо дня в день самим собой как можно более совершенно, сколь можно более искренне, правдиво, честно, смело, жертвенно, в конечном итоге, я буду раскрывать и приводить в движение все новые и новые силы, которые ничем не могут быть остановлены.

Но это не слепой процесс, в этом должна быть тоже зрячьсть; человек в своем становлении должен также наблюдать за собой — не трусливо, не с беспокойством, не ставить себе вопрос о том, явлюсь ли я тем, кем я, в конечном итоге, должен стать или хочу быть; нет; а с живым интересом, как наблюдатель, который наблюдает процесс, принимает его в учет и старается употребить, применить, приложить все, что входит теперь в поле его зрения. Это значит, что человек должен научиться прислушиваться к самому себе, раньше всего — к голосу своей совести, той правды, которая в нем есть, потому что голос совести, и голос правды, если он задушен, никак, никогда не может быть заменен ни законностью, ни условностью, ни человеческими правилами; дальше — человек должен прислушиваться к голосу жизни, к тому, чему жизнь его учит; жизнь отдельного человека около него, жизнь общества, жизнь народа, жизнь человечества, биологическая жизнь, и, наконец, для верующего, несомненно, голос Самого Бога, выраженный в Священном Писании, звучащий громче, правдивее, истиннее, чем его собственная совесть.

И вот все это ему дает возможность раскрыть в себе, прислушиваясь к ним, вглядываясь в них, эти глубины и приложить их к жизни. В этом процессе человек должен, как я уже говорил, собрать **очень** много смелости, очень много мужества, потому что этот процесс — это борьба жизни против окостенелости, это борьба творчества против всего того, что убивает творчество, это борьба совести против того, что бессовестно старается строить жизнь...

Это требует смелости, да, — но вместе с этим огромного смирения и послушания; не в том смысле, что мы должны **подчиняться**, а в том смысле, что мы должны смиренно, послушливо отдаться закону жизни и быть готовы жить даже ценой нашей смерти. Это может показаться странным, диким выражением, но в устах верующего это и не странно и не дико, потому что только тот может положить свою жизнь за свой идеал, кто верит в жизнь и **не** верит в победу смерти; кто верит, что побеждает жизнь, и что смерть **никогда** не победит; только тот, который может любить от всей души, от всего сердца, всем умом, всей волей, всем телом своим, только тот человек, в котором жизнь победила смерть, может жизнь свою отдать, приняв внешне побежденность, сломленность и смерть, но зная, что внутренне — он победил. Когда-то была найдена надпись в Шлиссельбургской тюрьме: "Со Христом и в тюрьме мы свободны, без Него — и на воле тюрьма" — вот этот контраст внутренней свободы и внешней ограниченности, внутренней победоносной жизни и внешней смерти и является характерной, подлинной верой человека в себя — не

самоуверенностью, но верой в непобедимую динамику жизни, имя которой, в конечном итоге — Бог.